

Л. И. Бабенко

Об одном иконографическом варианте образа грифона в греко-скифской торевтике

реди образов, украсивших многочисленные изделия греко-скифской торевтики, численно преобладают изображения различных животных, выполненных как с предельной точностью (в качестве показательного примера можно назвать фигурки кузнечиков на пекторали, детализация которых позволила энтомологам различить самца и самку [1, с. 83]), так и достаточно схематичных, в которых образ существа передан несколькими наиболее характерными чертами. В последнем случае иногда возникает сложность трактовки образа, вследствие чего нередко исследователями предлагаются различные толкования.

Подобные разногласия возникли и при интерпретации существа, изображенного на серии мелких золотых бляшек, возможно, разного штампа, но иконографически практически идентичных, обнаруженных среди погребального инвентаря нескольких комплексов — курганов № 5 могильника Осняги (раскопки В. А. Городцова 1906 г.) (рис. 1 : 1), № 3 у с. Богдановка (раскопки О. В. Битковского 1977 г.) (рис. 1: 3), № 2 Песочинского могильника (раскопки В. Г. Бородулина 1978 г.) (рис. 2), № 15 Олещинского могильника (раскопки И. Н. Кулатовой и А. Б. Супруненко 1985–1989 гг.) (рис. 1: 2), № 1 (23) 2001 г. Перещепинского могильника (раскопки И. Н. Кулатовой и А. Б. Супруненко 2001 г.) (рис. 1: 4). Представленный здесь персонаж трактовался как заяц [2, с. 131; 3, с. 159; 4, с. 99; 5, с. 14–16; 6, с. 418, 434], кошачий хищник [7, с. 17; 8, с. 65], хищник [9, с. 80], «копытное животное с подогнутыми в стремительном движении ногами» [10, с. 37], грифон [11, с. 132; 12, с. 79], байбак [13, с. 76], причем в ряде работ проблема интерпретации данного образа авторами затрагивалась намеренно, т. е. это не мимоходные, а в меньшей или большей степени аргументированные истолкования. Однако подобный разноречивый мнений связан не столько со сложностью и неоднозначностью представленного на аппликации существа, сколько с недостаточным вниманием к отдельным мелким, зачастую едва заметным, а иногда и отсутствующим для того или иного варианта штампа деталям.

Следует отметить, что бляшек подобной формы и размера — с «ноготок мизинца», но с иной иконографией, известно довольно много. Среди представленных на них образов преобладают зайцы (наиболее представительную выборку подобных бляшек содержит специальное исследование Ю. Б. Полидович и Г. Н. Вольной, которую можно дополнить аппликациями из погребения 4 кургана № 19 Рогачикского курганного поля [6, с. 433–435; 14, с. 55, рис. 1, 8], известны также изображения льва — Любимовские курганы [15, с. 61, рис. 50] грифона — Малый Чертомлык¹, курган № 25 песочинского могильника [16, с. 72, рис. 6, 22–25; 11, с. 132, рис. 34, 7], «кошачьего

¹ Б. Н. Мозолевский трактовал существо на двух бляшках как льва [16, рис. 6: 22, 23], еще на двух — как львиноголового грифона [16, рис. 6: 24, 25]. Однако в последнем случае персонаж имеет отчетливый загнутый клюв, характерный именно для орлиноголовых грифонов.

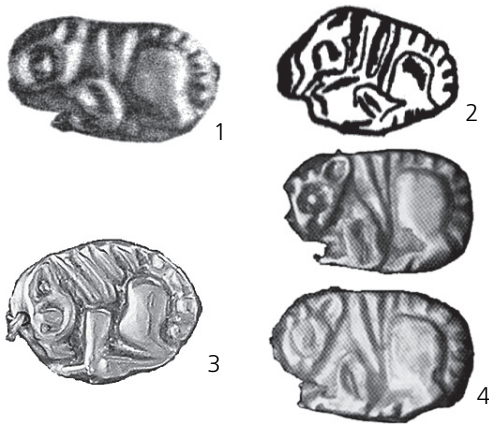

Рис. 1. Бляшки с изображением грифона из курганов: 1 — № 5 могильника Осняги [2, табл. III, 10]; 2 — № 15 Олещиршинского могильника [10, рис. 14, 14]; 3 — № 3 у с. Богдановка¹; 4 — № 1 (23) 2001 г. Перещепинского могильника [13, вкл. II, рис. 6] (без соблюдения масштаба)

Fig. 1. The pendants with the image of a griffin from the barrows:

1 — № 5 of the Osnyagy sepulchre [2, tabl. III, 10]; 2 — № 15 of the Olefirshunsky sepulchre [10, fig. 14, 14]; 3 — № 3 near Bogdanivka village; 4 — № 1 (23) year 2001 of the Pereshpeynsky sepulchre [13, II, fig. 6]

аналогии исследователи привели бляшку из кургана № 35 у с. Бобрлица, где действительно изображен указанный персонаж [18, с. 71, 72, рис. 16, 18]. Однако олещирщанская бляшка имеет совершенно иную иконографию, размеры и, наконец, хронологию комплекса, поэтому предложенную аналогию нельзя признать приемлемой. В то же время совершенно очевидна трудность видовой атрибуции персонажа на данной бляшке из-за недостаточной четкости штампа (рис. 1: 2). Решение этой задачи возможно лишь при обращении к более разборчивым изображениям существа со схожей иконографией.

А. В. Бандуровский рассматривал бляшки из кургана № 2 Песочинского могильника лишь как иконографически иной вариант бляшек с зайцем [4, с. 99]. При этом исследователь отметил наличие у животного «маленьких круглых ушек и шипастого гребня по всей длине спины», т. е. признаков, совершенно не свойственных иконографии зайца и даже противоречащих ей, тем самым буквально в шаге остановившись от «незаячей» трактовки образа.

Показательно, что Ю. Б. Полидович и Г. Н. Вольная, воспользовавшиеся при составлении каталога изображений зайца иллюстрацией из указанной монографии [4, рис. 64, 3, 4], отчетливо видели разницу между двумя вариантами бляшки и образ на «втором варианте» в качестве зайца не рассматривали [4, рис. 64, 3, нижняя бляшка], о чем свидетельствует ее отсутствие на представленных в их работе иллюстрациях [6, с. 419, рис. 3, 14, 15].

Апликацию из кургана № 5 в уроч. Осняги, вслед за В. А. Городцовым [2, с. 131], к «заячьим» бляшкам отнесли и другие исследователи [3, с. 159; 19, с. 118; 20, с. 123; 6,

хищника» — Бердянский курган [17, с. 152, рис. 3, 10] и другие. Иконография представленных здесь типов более реалистична и разногласий не вызывает, а нюансы их изображения чрезвычайно важны для правильного понимания некоторых элементов рассматриваемого нами образа.

На бляшке из кургана № 3 у с. Богдановка О. В. Битковский и С. В. Полин видят, без уточнения его вида, хищника [9, с. 80, рис. 8, 4]. А. С. Ключко этого хищника относит к породе кошачьих [7, с. 17; 8, с. 65, рис. 1]. Штамп бляшки не выразительный, но отчетливо видна «зернистая» цепочка вдоль спины и верхней части головы, две вертикальные линии, отделяющие голову от туловища и небольшое круглое ушко (рис. 1: 3).

Существо на бляшке из № 15 Олещиршинского могильника И. Н. Кулатова и А. Б. Супруненко определили как копытное животное с подогнутыми в стремительном движении ногами [10, с. 37, рис. 14, 14]. В качестве ближайшей

¹ В иллюстрации использована оригинальная фотография бляшки из фототеки Музея исторических драгоценностей, публикуемая с любезного разрешения директора музея Л. В. Строковой и при содействии завсектором А. А. Грибковой, которым я искренне признателен.

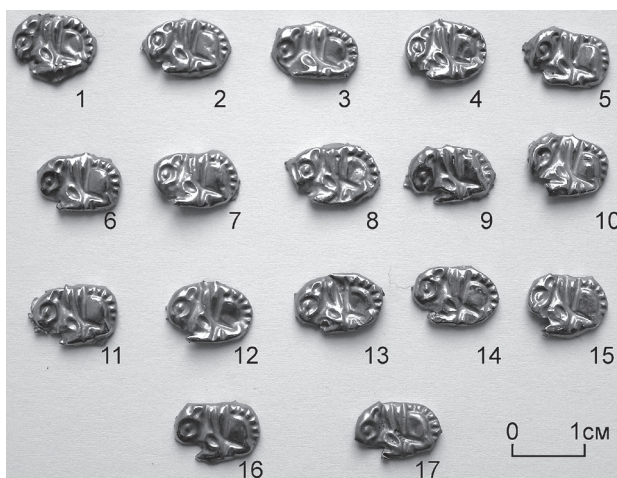

Рис. 2. Бляшки с изображением грифона из кургана № 2 Песочинского могильника

(Харьковский исторический музей, ЛБЗ-137-155)

Fig. 2. The pendants with the image of a griffin from the barrow № 2 of the PISOCHYNSKY sepulchre

с. 418, 434]. Возможно, причиной устойчивости подобной атрибуции послужили недостаточно четкие иллюстрации в некоторых публикациях, используемые авторами в качестве источника. Однако внимательное рассмотрение изображения этой бляшки в первой публикации В. А. Городцова позволяет совершенно отчетливо увидеть уже знакомые по другим штампам черты — маленькое круглое ушко, две вертикальные линии за головой и «зернистую» цепочку вдоль спины, что исключает возможность отождествления представленного здесь персонажа с зайцем [2, табл. III, 10] (рис. 1: 1).

Не было окончательной уверенности в интерпретации этого существа и при публикации материалов Песочинского могильника. Несмотря на отмеченный набор признаков, свойственных именно грифонам, был подчеркнут неокончательный характер подобного толкования и достаточно широко использованы альтернативные варианты трактовки — как более расплывчатые («маленькое животное», «хищник»), так и весьма труднообъяснимые («лев»), появление которых следует объяснять инерционностью, вызванной предыдущими атрибуциями [21, с. 151; 11, с. 132, 279].

Однако в последующей публикации излишняя осторожность была отброшена и рассматриваемое существо безоговорочно истолковано как грифон, пополнив выборку предметов из Песочинского могильника, декорированных образами фантастических существ [12, с. 79].

В существе на бляшках из кургана № 1 (23) 2001 г. Перещепинского могильника полтавские археологи увидели совершенно новый для звериного стиля персонаж — байбака, с «прижатыми ушами и согнутыми в прыжке ногами» и «псевдозернистым ободком по спине» [13, с. 76]. Байбак, степной сурок (*Marmota bobac*) являясь обитателем равнинных степей, был широко распространен от Венгрии до Иртыша [22, с. 529] и, несомненно, известен жителям этого региона и в скифское время. Однако при всем многообразии образов звериного стиля, их номинативный перечень был достаточно консервативен и строго ограничен и не отражал всего разнообразия окружающей фауны. Звериный стиль являлся, прежде всего, знаковой системой, в которой все его персонажи вписывались в систему мироздания, занимая свою строго определенную нишу. Появление абсолютно нового образа, совершенно до этого неизвестного, маловероятно, но все же возможно. Но насколько иконография представленного на бляшках существа соответствует образу байбака? Авторы совершенно справедливо отмечают, что фигурка животного «имеет хорошо проработанные детали» и «напо-

минает более распространенную заячью». Однако на всех многочисленных изображениях заяц имеет совершенно гладкую спину и, учитывая анатомическое сходство туловища байбака и зайца, ожидаемой была бы и иконографическая близость этой части тела на бляшках. На спине же рассматриваемого существа находится обозначенный исследователями «псевдозернистый ободок» и не отмеченные две вертикальные длинные полоски, отделяющие голову от туловища.

Обрамление по периметру бляшек — круглых, квадратных или прямоугольных — своеобразным «псевдозернистым» или «жемчужным» ободком являлось распространенным стилистическим приемом при производстве золотых аппликаций. Однако подобный прием не использовался мастером при изготовлении рассматриваемых бляшек — фигурных по форме, в которых к тому же «ободок» обрамляет не весь периметр, а лишь около его четверти. Схожий «ободок» нередко применялся и для обозначения той или иной части персонажа. В качестве примера можно назвать серию бляшек с изображением лежащего оленя «солохинского типа», в которых с помощью цепочки жемчужин передана борода животного — курганы Солоха, № 4 из группы «Частых», у с. Пастырское, № 2 и 22 песочинского могильника [23, с. 68; 24, табл. 35, 8, 11; 25, табл. 19, 26, 28; 11, с. 129, рис. 4, 12; 31, 5], бляшки в виде человеческого лица из той же Солохи, в которых с помощью «псевдозерни» обозначены волосы персонажа, а на солохинских бляшках в виде фигуры лося подобный прием использовался для стилизации меха по внешнему контуру шеи [23, с. 31, 63, 64]. Часто аналогичный орнамент использовали торецты для имитации перьев на развернутых крыльях грифонов и иных крылатых персонажей, или же их хвостов. Таким образом, и цепочка «псевдозерни» является, скорее всего, частью не обрамления, а тела предстательного здесь существа, и требует более-менее доказательной атрибуции.

Это касается и других иконографических деталей — упомянутых выше двух вертикальных длинных полосок, отделяющих голову от туловища, пары коротких отростков в верхней части головы перед ухом, а также разрыва ободка контура головы в нижней части с заметной вытянутостью книзу. Вне всяких сомнений, это не случайные черты в иконографически чрезвычайно лаконичном персонаже. Присутствие каждой из этих деталей было обусловлено каноническими требованиями к изображению образа, и не стоит их игнорировать при интерпретации образа. Все указанные элементы (4, т. е. подавляющая часть от общего количества!) труднообъяснимы при трактовке животного как байбака, что не позволяет безоговорочно принять эту трактовку образа.

Остановимся более детально на иконографии анализируемого персонажа. На мелких (0,7–1,1 × 1,1–1,5 см), подовальной формы бляшках воспроизведено в профиль левой стороной лежащее существо с одной передней и одной задней лапой с массивным бедром. Детали морды не проработаны — как правило, все пространство головы занимает «глазница» с круглым выпуклым глазом по центру. Все эти черты в целом характерны и для других персонажей рассматриваемого типа бляшек — зайцев, «хищников», «львов», что также в немалой степени усложняет его видовую атрибуцию.

Однако наше существо имеет и набор признаков, резко отличающий его от иконографии «родственных» персонажей. Голова четко отделена от туловища двумя поперечными гладкими линиями. От линий вдоль спины, до низа задней части идет цепочка из мелких выпуклых точек в количестве от 4 до 8. Почти у всех имеется небольшое округлое ушко, явственно отличающееся от длинного заячьего. Ото лба иногда отходит несколько отростков (Перещепино, возможно, Богдановка). В нижней части головы нередко имеется отросток (за исключением Осняг), иногда раздваивающийся (Перещепино, Песочин). Рассмотрим теперь подробно каждый элемент, используемый в изображении данного персонажа, на предмет его соответствия образу грифона — синкретического существа, необходимыми компонентами которого являются анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда ноги) и хищного зверя (туловище, ноги, уши, хвост) [26, с. 190].

Крылья. На пластинчатой аппликации V—IV вв. до н. э. хорошо известны изображения грифонов как с крылом архаического типа, или «серповидным» [27, с. 50] — Братолобовский курган [28, с. 94–97, рис. 16, 1], Верхний Рогачик [14, с. 60, 61, рис. 4, 3], Солоха [23, с. 65, кат. 42], Малый Чертомлык [16, с. 75, рис. 6, 24, 25], Мاستюгинские курганы и Дуровка [29, рис. 6, 8, 10, 27] и прочие, так и «птичьими» крыльями классического периода с угловатым изломом и острым окончанием и распростертого над спиной [30, с. 212] — Толстая Могила [1, с. 130, 135, рис. 113, 1, 2, 11], Чертомлык [31, рис. 76], Верхний Рогачик [14, с. 60, рис. 4, 4] и многие другие.

Для изображения крыла торевты использовали различные изобразительные приемы — среди многочисленных вариантов известны крылья, очерченные верхней гладкой линией с колечатым перегибом в сочетании с цепочкой выпуклых жемчужин (Песочин, курганы № 29, 32, Дарьевка), с оковтуровкой крыла, «архаического» или «классического», по периметру гладкими линиями (Малый Чертомлык, Песочин, курган № 32), с заполнением подобного контура внутри горизонтальными гладкими линиями (Частые курганы), в виде «веерообразно расходящихся штрихов» (Солоха), «шашечкообразных» рядов выпуклин (Малый Чертомлык, Мاستюгино, курганы № 5, 19/37) и множество иных вариаций, т. е., единых норм в оформлении крыла не существовало.

Вместе с тем известны случаи крайней степени схематизации образа грифона, когда изображения тех же крыльев весьма далеки от канонов «архаического» или «классического» крыла и имеют предельно упрощенную иконографию. В качестве наглядного примера могут служить бляшки из кургана № 25 Песочинского могильника, где крыло грифона символизирует вертикальная цепочка выпуклых прямоугольников (рис. 3).

Две длинные гладкие линии, косые или почти параллельные, расположенные на наших бляшках во всех случаях между головой и задней частью туловища, т. е., занимают место, которое в изображениях грифона всегда отводилось крылу, и поэтому также могут быть истолкованы в этом же значении. В качестве иконографически близкого примера оформления крыльев можно назвать медальон из кургана № 32 Песочинского могильника, где крыло грифона символизируют 4 отростка на спине — 3 гладких прямых и 1 извилистый отросток с короткой косой поперечиной посередине [11, с. 139, рис. 37, 4]. Предельную условность данного варианта иконографии крыла следует объяснять такой же степенью схематизма и всего образа в целом.

Хвост. Цепочка из мелких выпуклых точек в количестве от 4 до 8, расположенная сразу же за двумя вертикальными гладкими линиями и идущая по верху спины до низа задней части, не имеет столь однозначной интерпретации. Она может быть истолкована и как продолжения крыла, т. к. подобный прием неоднократно использовался торевтами для обозначения перьев на крыльях. Но все же для этой детали более приемлемой трактовкой следует полагать хвост, также являющийся неотъемлемой частью иконографического образа грифона.

Особенностям семантики хвоста хищников как условного знака-символа в зависимости от его расположения посвящено специальное исследование Ю. Б. Полидовича. Из выделенных автором иконографических вариантов наш

Рис. 3. Бляшки с изображением грифона из кургана № 25 Песочинского могильника (Харьковский исторический музей, ЛБЗ-404-408; 423-425)

Fig. 3. The pendants with the image of a griffin from the barrow № 25 of the Pischynsky sepulchre

З
Д
В
С
Т
С

случай относится к изображениям «с расположением хвоста, закинутого на спину». По мнению исследователя, подобное положение хвоста связано с сильным эмоциональным напряжением животного и воспроизводилось в сценах нападения или борьбы [32, с. 197]. По наблюдениям Ю. Б. Полидовича у хищников такая позиция хвоста характерна единичным изображениям. Напротив, на пластинчатой аппликации V—IV вв. до н. э. изображения грифона с поднятым вверх и заброшенным на спину хвостом (иногда согнутым вдвое) достаточно репрезентативны. Среди многочисленных примеров можно назвать уже упомянутые выше бляшки из Малого Чертомлыка, Толстой Могилы, Братолюбовского кургана [16, с. 72, рис. 6, 22–25; 1, с. 56, рис. 38, 5; 28, с. 94–97, рис. 16, 1].

Наряду с подавляющим преобладанием на изображениях гладких хвостов, известны случаи использования торевтами в качестве приема для обозначения хвоста и цепочки из выпуклин — подобным образом оформлен хвост грифона на бляшках из кургана № 25 Песочинского могильника, Красноперекопских курганов [15, с. 95], № 93 у с. Бобрица [25, табл. 19, 23], а на бляшках из Солохи хвост покрыт рядом косых штрихов [23, с. 63].

Ухо. Являлось неперменным атрибутом грифона с большой вариативностью его формы — от удлиненного до маленького округлого. Собственно, один из выделенных изобразительных типов грифона (наряду с переднеазиатским и греческим) — скифский, является изображением именно ушастой птицы [33, с. 67]. Применение к ней термина «грифон» не общепризнано [34, с. 34; 26, с. 205], хотя появление в иконографии скифской хищной птицы уха рассматривается, прежде всего, как подражание иконографии грифона [26, с. 206]. По мнению Е. Ф. Корольковой наличие уха «в подобных изображениях свидетельствует о каком-то содержательном аспекте, заставлявшем внести эту деталь, отсутствующую у представителей фауны в природе, и отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации» [35, с. 54].

На всех рассматриваемых вариантах штампа ухо имеет маленькую округлую форму, хорошо известную по многочисленным изображениям грифона на различных золотых бляшках этого времени. Его наличие никоим образом не противоречит предлагаемой здесь трактовке образа.

Рог. «Теменной хохолок» [36] или «шишковидный выступ-рог на темени» [26, с. 197] является одним из диагностических признаков раннескифского грифона. У грифонов классического времени подобный выступ исчезает [27, с. 52], но появляется зубчатый гребень, который на изображениях высокохудожественных изделий заходит далеко на лоб существа. На более схематичных изображениях грифона, как на пластинчатой аппликации, так и изделиях металлопластики, на лбу очень часто присутствуют различной формы гребни — от едва заметных точек до ветвистых рогов, иногда стилизованных под птичьи головки [34, табл. III—V]. Однако нередко изображения и с гладким лбом, поэтому в нашем случае и наличие выступов на лбу, и их отсутствие приемлемо для иконографии грифона этого времени.

Клюв. Бесспорным атрибутом орлиноголового грифона является клюв, наличие которого и определяет, в первую очередь, принадлежность существа к данному виду. Для изображений конца V—IV вв. до н. э. выделяется несколько иконографических вариантов его изображения — от анатомически «настоящего клюва» до различных вариаций его стилизации [34, с. 4]. Но как раз клюв является наиболее неоднозначным для трактовки элементом в изображениях на наших бляшках. На аппликации из Осняг нижняя часть мордочки гладкая, без выступов. На обеих бляшках из Перещепинского могильника в нижней части головы имеется короткий раздваивающийся отросток. На бляшке из Олефирщинского могильника от морды существа отходит длинный прямой отросток. Неясное образование в нижней части головы имеет и персонаж аппликации из Богдановки. Таким образом, перечисленные случаи как будто не дают прямых оснований для истолкования указанной детали как клюва, а существа — как орлиноголового грифона. Однако правильно понять характер этих отростков позво-

ляет серия бляшек из кургана № 2 Песочинского могильника, которая отличается разнообразным спектром вариантов оформления данной части головы животного.

Подобную разницу в мелких деталях на золотых штампованных аппликациях одной серии отмечали многие исследователи, по-разному истолковывая ее происхождение. Часть ученых объясняла различия непосредственной подправкой штампа — либо его подчисткой вследствие постепенного разрушения матрицы из-за многократного использования, либо намеренно, с целью получения различных изображений. Помимо этого, разнообразие однотипных изображений могло достигаться и дополнительной обработкой уже полученных оттисков [37, с. 224; 38, с. 85, 86; 28, с. 86, 87]. Напротив, Р. С. Минасян отрицает саму возможность повреждения бронзовой матрицы более мягкими металлами. По мнению исследователя, непереносимость подобных различий в отпечатке деталей была обусловлена технически при деформации металла ручным способом. Четкость оттисков могла зависеть и от чистоты металла — высокопробное золото было пластичнее и давало более качественные оттиски [39, с. 380]. Вероятно, рациональное зерно имеют обе точки зрения, что наглядно демонстрируют различные варианты штампов песочинских бляшек с грифоном из кургана № 25.

Так, при внимательном рассмотрении этих бляшек становится совершенно очевидным использование при их изготовлении либо двух штампов, либо одного, но с основательной его подработкой. Два варианта изображения грифона имеют устойчивый и репрезентативный набор отличий, который на первый взгляд едва заметен. У грифона на бляшках первого варианта крыло передано в виде вертикальной цепочки четырех параллельных прямоугольников (рис. 3: 1, 2, 4, 5, 7, 8), во втором варианте — это три черты, расположенных под углом друг к другу (рис. 3: 3, 6). Различается также форма клюва (с восковицей в первом случае и без нее — во втором), глазницы (более округлой и овальной), передней и задней лап, бедра. В то же время и внутри каждого варианта можно заметить мелкие отличия на различных оттисках, которые следует связывать как раз с особенностями «деформации металла ручным способом».

На песочинских бляшках с грифоном из кургана № 2 наибольшей вариативностью отличается именно форма клюва. На части аппликаций отчетливо виден загнутый и опущенный вниз клювик, который совершенно невозможно трактовать в ином истолковании (рис. 2: 1–7, 9, 10). В то же время можно наблюдать и иные варианты его иконографии. На нескольких бляшках контур головы в нижней части разомкнут, и заканчивается двумя отростками, полностью идентичными бляшкам из Перещепинского могильника (рис. 2: 11–15). Еще на одной бляшке клюв имеет форму вытянутого удлинённого отростка, практически тождественного такому же элементу на бляшке из Олефирщины (рис. 2: 8). Наконец, на двух бляшках, близких аппликации из Осняг, клюв едва заметен, и если бы не было столь репрезентативной серии, то интерпретировать данное существо в качестве грифона было бы весьма затруднительно (рис. 2: 16, 17).

Эту многовариантность формы клюва следует связывать не с подправками штампа, а именно с «особенностями деформации металла».

Таким образом, песочинская серия бляшек благодаря иконографическому многообразию вариантов оформления клюва позволяет объединить в одну группу аппликации различных комплексов и интерпретировать изображенное на них существо как грифона — одного их наиболее популярных образов греко-скифского искусства.

При всем разнообразии пластинчатой аппликации с изображением грифона, изготовление мелких бляшек с оригинальной, но устойчивой трактовкой этого образа было продиктовано какими-то особыми причинами. Возможно, их появление вызвано эстетическими потребностями, а именно, необходимостью соблюсти соразмерность при креплении на одежду или головной убор в паре с другими мелкими бляшками, прежде всего, зайчиками. Заяц был популярным персонажем скифского искусства со времен архаики и в сюжетных композициях всегда являлся объектом преследования

или терзания — всадником, собакой, хищником или хищной птицей, что трактуется исследователями как противостояние двух миров — хтонического (заяц) и героического/небесного [6, с. 420–423, 429]. Однако известны случаи присутствия в «заячьих сюжетах» и грифонов, хотя и в сложном и неоднозначном для трактовки контексте. Так, на олене из Куль-Обы прыгающий заяц находится между грифоном и львом. На метопиде из кургана № 18 у с. Львово бегущие зайцы изображены в ряду разнообразных фантастических животных, в том числе грифонов [6, с. 416, 434; 40, с. 137, 138]. Таким образом, бляшки-зайчики и бляшки-грифоны обнаруженные в кургане № 2 песочинского могильника, где они, вероятнее всего, попеременно нашитые на одежду или головной убор, составляли сюжетную пару преследователь-жертва¹ — возможность подобного конструирования того или иного сюжета с использованием бляшек различного типа убедительно продемонстрировала Л. С. Ключко [42, с. 123–125].

Обращает внимание исключительно локальный характер распространения этого типа бляшек — три комплекса (Осняги, Олефирщина, Перещепино) находились в прямой близости от Бельского городища, а северскодонецкая группа памятников, в состав которой входит песочинский могильник, непосредственно граничит с ворсклинской. В стороне лишь богдановский комплекс, однако и бляшка из этого погребения отличается большим иконографическим своеобразием и в данную выборку включена с определенными оговорками. Это дает определенные основания предполагать местное изготовление этой серии бляшек, и, скорее всего, мастерами Бельского городища, крупнейшего ремесленного центра, на котором уже неоднократно фиксировались разнообразные следы ювелирного производства [2, с. 158; 43, с. 217–221; 20, с. 121].

Помимо территориальной локальности, бляшки имеют узкий хронологический диапазон. Погребение 2 кургана № 3 у с. Богдановка авторы публикации по клейменной амфорной таре датировали концом V в. до н. э. [9, с. 84], В.И. Кац и С.Ю. Монахов омолодили дату комплекса до 90-х гг. IV в. до н. э. [44, с. 211–213].

Дату № 15 Олефирщинского могильника определяет находка гераклейской амфоры в пределах рубежа V—IV — первого десятилетия IV вв. до н. э. [45, с. 75], что практически совпадает с датой, предложенной и авторами публикации на основе более широкого анализа погребального инвентаря [10, с. 45].

Находка в кургане № 2 Песочинского могильника бляшек-оленей, тождественных обнаруженным во впускном погребении Солохи, датируемой первой четвертью IV вв. до н. э. [45, с. 239–243; 46, с. 261], и ряда других комплексов, предопределяет и их хронологическую близость [11, с. 159–160].

Состав погребального инвентаря кургана № 5 у с. Осняги не дает достаточных оснований для определения узкой даты. Тем не менее, все без исключения исследователи относили этот комплекс к IV в. до н. э. [3, с. 171; 20, с. 177], а Н. А. Онайко, а вслед за ней и А. Д. Могилов, подчеркивая близость осняжских бляшек-личин чертомлыцким аппликациям, полагали его вторую половину [19, с. 66; 47, с. 131]. Однако иконография осняжских личин гораздо ближе солохинским второго типа из первичной могилы [23, с. 30, 31], а также из кургана Дарьевка, датируемого второй четвертью IV в. до н. э. [48, табл. IX, 2, 5; 11, с. 168; 28, с. 169], кургана № 3 у с. Богдановка, дата которого рассматривалась выше [9, с. 80, рис. 8, 2]. По представленным типам наконечников стрел этот комплекс также датируется в пределах конца V — первой половины IV вв. до н. э. [49, с. 194].

¹ Саратовский исследователь В. Михайлин трактует образ зайца в контексте «двуединого мотива» преследования зайца псом и жестко связывает сам сюжет и участвующие в нем образы с первой, юношеской стадией воинской инициации [41, с. 52–80]. Однако широкий набор иных заячьих преследователей (хищник, хищная птица, лев, грифон), несовместимых, по В. Михайлину, с низким статусом зайца, свидетельствует и о более сложной и разнообразной семантике этого образа.

Из этих хронологических рамок совершенно выпадает дата, предложенная авторами публикации Перещепинского кургана для изготовления наших бляшек в пределах второй четверти — середины V в. до н. э. [13, с. 76], распространенная затем и на весь комплекс. О неприемлемости подобной датировки для этого погребения на основе анализа наконечников стрел, предметов конского снаряжения и античной солонки уже высказывал соображения С. В. Махортых, предложивший более позднюю дату — конец V — первая четверть IV вв. до н. э. [49, с. 194]. Такая датировка представляется совершенно оправданной и полностью согласуется и с немногочисленной пластинчатой аппликацией данного комплекса.

И. Н. Кулатова и А. Б. Супруненко аналогично бляшке в виде двух львиных головок, обращенных в разные стороны и соединенных узкой перегородкой видят в комплексах V в. до н. э. и в качестве примера указывают погребение 2 кургана 1 группы Лисьей Могилы, где обнаружена аппликация, состоящая из соединенных перегородкой 9-лепестковой розетки и двух рельефных кружков [13, с. 76]. Однако комплекс этого погребения не совсем «чист», он смешался с инвентарем погребения 1 во время сооружения второй гробницы [50, с. 120]. Самой яркой находкой погребального инвентаря является серебряный килик на фигурном кольцевом поддоне. Подобные килики, целые или фрагменты, широко известны в курганах IV в. до н. э. — Чертомлыке, Восьмом Пятибратном и Мелитопольском кургане, Толстой и Гаймановой Могилах, что дает основание и комплексу Лисьей Могилы, включая и указанную бляшку, также рассматривать в пределах этого столетия.

Близкие по конструкции, т. н. «двойные», т. е. состоящие из перемычки, оба конца которой имеют фигурные окончания, но имеющие отличное и довольно разнообразное оформление (антропо- и зооморфные образы, различные растительные мотивы), широко представлены именно в комплексах IV в. до н. э. Среди аналогий можно назвать бляшки из Вишневой Могилы [14, с. 56, рис. 2, 1], из гробницы 2 кургана 4 группы Страшной Могилы [51, с. 146, рис. 29, 1, 3], Чертомлыка [31, с. 248, рис. 79, кат. 212, 21], кургана № 32 песочинского могильника [11, с. 135, 136, рис. 38, 3], кургана в урочище Дарьевка [47, Бобринский, табл. XIII, 6], № 1 у с. Дуровка [52, с. 28, 29], Бабиной Могила [53, рис. 73, 2–7, 10] и многие другие.

Из комплексов конца V — первой четверти IV вв. до н. э., как показал проведенный анализ, происходят практически все рассмотренные здесь мелкие бляшки-грифоны, что также вполне согласуется с предложенной С. В. Махортых датой [48, с. 194].

Таким образом, анализ особенностей иконографии персонажа и допущение возможности отдельных ее вариаций из-за специфики технологического производства дает убедительные основания для интерпретации представленного на рассматриваемой серии бляшек существа как грифона. Локальный характер распространения бляшек позволяет предположить вероятное их производство в ювелирных мастерских Бельского городища, а короткий период употребления аппликаций данного штампа свидетельствует о возможности их использования в качестве довольно надежного хронологического индикатора для памятников конца V — первой четверти IV вв. до н. э.

Ключевые слова: скифская культура, Бельское городище, золотые штампованные бляшки, пластинчатая аппликация, грифон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мозолевський Б. М. Товста Могила. — К., 1979.
2. Городицов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда. — 1911. — Т. 3.
3. Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967.

4. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). — К., 2000.
5. Вольная Г. Н. Об одном античном образе в скифских памятниках // Античная цивилизация и варварский мир. — Новочеркасск, 1996.
6. Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. — М., 2005.
7. Клочко Л. С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія. — 1986. — № 56.
8. Клочко Л. С. Антропоморфні образи в оздобах скіфських головних уборів // Музейні читання. — К., 2006.
9. Битковский О. В., Полин С. В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987.
10. Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — М., Полтава, 1993.
11. Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Х., 2005.
12. Бабенко Л. И. Образы фантастичних істот у декорі одягу сіверськодонецького населення V—IV ст. до н. е. // Музейні читання. — К., 2006.
13. Кулатова І. М., Супруненко О. Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. — К., 2010.
14. Болтфик Ю. В., Фиалко Е. Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2007.
15. Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974.
16. Мозолевский Б. Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987.
17. Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. — 1988. — № 2.
18. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. — К., 1989.
19. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. — 1970. — Вып. Д1—27.
20. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987.
21. Бабенко Л. И. Античный импорт в погребениях песочинского могильника // РА. — 2004. — № 3.
22. БСЭ. — 1970. — Т. 2.
23. Манцевич А. П. Курган Солоха. — Л., 1987.
24. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. — 1965. — Вып. Д1—31.
25. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв до н. э. // САИ. — 1967. — Вып. Д1—4.
26. Канторович А. Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — Донецк, 2010. — № 21.
27. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. — М., 1994.
28. Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В. Братолюбовский курган. — К., 2009.
29. Савченко Е. И. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. — М., 2005.

30. *Скржинская М. В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. — К., 2010.
31. *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991.
32. *Полидович Ю. Б.* Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников) // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2002. — Т. 1.
33. *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. — 1948. — Вып. XXII.
34. *Шкурко А. И.* Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1982.
35. *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.) — СПб., 2006.
36. *Баркова Л. А.* Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. — 1987. — Вып. 28.
37. *Харко Л. П.* К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье // МИА. — 1961. — № 96.
38. *Онайко Н. А.* Заметки о технике боспорской торевтики // СА. — 1974. — № 3.
39. *Минасян Р. С.* Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыцкого кургана // Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991.
40. *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. — Древности степной Скифии. — К., 1982.
41. *Михайлин В.* Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. — М., 2005.
42. *Клочко Л. С.* Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. — К., 1982.
43. *Шрамко Б. А.* Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии // СА. — 1970. — № 2.
44. *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н. э. — Саратов, 1999.
45. *Бандуровський О. В.* Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної Лісостепової України // Археологія. — 2001. — № 1.
46. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003.
47. *Могилев О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — К.; Кам'янець-Подільський, 2008.
48. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1894. — Т. 2.
49. *Махортых С. В.* Колчанные наборы Перещепинского курганного могильника // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2011. — Вып. 14.
50. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980.
51. *Гереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. — К., 1973.
52. *Пузикова А. И.* Уникальный комплекс из могильника скифского времени у деревни Дуровка (Среднее Подонье) // РА. — 1997. — № 2.
53. *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005.

Резюме

Бабенко Л. І. Щодо інтерпретації одного із образів греко-скіфського мистецтва

Серед поховального інвентарю щонайменш 5 комплексів (Осняги, Перещепине, Олєфіршина, Пісочин, Богданівка) було виявлено різну кількість (від 1 до 19) золотих штампованих бляшок із зображенням істоти зі схожим набором специфічних рис. Дослідниками цей образ тлумачився як заєць, хижак, кошачий хижак, копитна тварина, байбак, грифон. Аналіз особливостей іконографії персонажу та допущення можливості окремих варіацій через специфіку технологічного виробництва дає підстави інтерпретувати цю істоту як грифона.

Локальний характер територіального розповсюдження бляшок дозволяє припустити у якості ймовірного місця їх виробництва ювелірні майстерні Більського городища.

Походження всіх бляшок із комплексів, датованих кінцем V — першою чвертю IV ст. до н. е., свідчить про вузький хронологічний період їх вжитку і дозволяє у майбутньому залучати даний штамп пластинчастої аплікації у якості надійного хронологічного індикатора.

Ключові слова: скіфська культура, Більське городище, золоті штамповані бляшки, пластинчаста аплікація, грифон.

Summary

L. Babenko. About the Interpretation of an Image of the Greco-Scythian Art

Among the burial inventory of the at least 5 complexes (Osnyagy, Pereshepyne, Olefirshuna, Pischyn, Bogdanivka) there have been found golden stamped pendants diverse in their quantity (from 1 to 19) which had an image of a creature with peculiar features. The researchers interpret this image as that of a hare, a predator, a feline predator, a hoofed animal, a steppe marmot, a griffin. The analysis of the character's iconography and the assumption of the possibility of separate variations through the peculiarity of the technological manufacture give ground for interpreting this creature as a griffin.

The local nature of the pendants areal distribution allows to assume that the probable places of their manufacture were the jewellery workshops of the Bils'ke settlement.

The origin of all the pendants from the complexes of the end of the 5th — the first quarter of the 4th centuries B. C. indicate a narrow chronological period of their use. This also allows involving this stamp of lamellate appliqué for secure chronological indicator in future.

Key words: the Scythian culture, the Bils'ke settlement, golden stamped pendants, lamellate appliqué, a griffin.

